

Владимир Александрович Ядов

25 апреля 1929 — 2 июля 2015

Ушёл из жизни Владимир Александрович Ядов.

Ядов особенный человек для всех нас. Хорошие книги пишут многие, а Ядов один. И не хочется говорить «был».

Многие называли его первым российским социологом. Ведь первую социологическую лабораторию он организовал в Ленинграде с А. Г. Здравомысловым ещё в конце 1950-х гг. А в начале 1960-х гг. оказался на обучении в Лондоне и Манчестере (невиданное дело по тем временам!). Впрочем, первый ли по хронологии или не первый, в данном случае не так важно. Куда важнее то влияние, которое он сумел оказать впоследствии на своих коллег и более молодые поколения социологов.

Теодор Шанин в книге «Поколение учителей», выпущенной в 2008 г. Высшей школой экономики, вспоминал тот самый визит Ядова в Англию в 1960-е гг. Пригласивших его британских коллег тогда поразила некая внутренняя свобода, отличавшая Ядова от других приезжавших из Советского Союза. Откуда она взялась, причём задолго до появления благоприятных внешних условий, до конца непонятно. Но она возникла, и эту внутреннюю свободу Ядов пронес через всю свою богатую творческую жизнь.

Летом, перед прощанием с Ядовым, я перечитал ещё раз интервью, которое записал с ним для той же самой книги «Поколение учителей». Он говорил, что в те ленинградские времена, когда всё начиналось, он был правоверным марксистом. Но в противоположность большинству ему хотелось проверить, насколько объявленные принципы перехода к коммунизму осуществляются на деле. И это отличало его от многих других. Отсюда, кстати, возникли и занятия мотивацией.

Он и сам был высокомотивированным человеком. Достаточно вспомнить, как он умел слушать других. Скажем, идёт очередная из бесчисленного ряда конференция, половина участников уже почти спит. А Ядов слушает. Причём не из вежливости: ему ИНТЕРЕСНО, и это было понятно по тем вопросам, которые он задавал.

Удивительно то, что ему не важно было, профессор выступает или студент. Между тем Ядов давно уже был признанным мэтром, одним из отцов-основателей российской социологии. Его демократичность и простота в общении — профессиональном и человеческом, — которые нельзя было не заметить, тоже шли от внутренней свободы.

Ядов не просто слушал. В нём горела некая внутренняя страсть. Зачастую он просто не мог молчать, периодически прерывал докладчика, извинялся и опять прерывал. Но всегда это было доброжелательно, уважительно по отношению к выступавшему, без перехода на личности.

У него было ясное понимание профессионального долга. Например, все последние годы он приезжал на заседания диссертационного совета по социологии в Высшую школу экономики, хотя и совет вроде «не свой», и видно было, что ему уже трудно физически. Но всё равно приезжал и участвовал.

Конечно, очень важно и значимо то, что Ядов сделал как учёный. У него действительно есть свой личный научный вклад, и все об этом знают. Но личность, образ профессионала и человека, в данном случае даже важнее. Для меня, как и для многих, Ядов был образцом для подражания, хотя был он неподражаем. Мне жаль, что молодые не смогут этого испытать.

При встрече, здороваясь, Владимир Александрович часто говорил (немного необычно): «Честь!» Видимо, сокращённое «Честь имею!».

Слово это — честь — ныне устойчиво ассоциируется с ним. Таким мы и будем его помнить.

В. В. Радаев

Vladimir Alexandrovich Yadov

25 April 1929 — 2 July 2015

Vladimir Alexandrovich Yadov passed away earlier this summer. Many considered him the first Russian sociologist. He organized the first sociological laboratory in Leningrad with Zdravomyislov at the end of the 1950s. In the early 1960s, he was in London and Manchester for education (no mean feat at that time!). Whether he was exactly the first sociologist chronologically or not, much more important in this case is the influence he had on his colleagues and on younger generations of sociologists.

Theodor Shanin, in the book “A Generation of Teachers” (Moscow: HSE, 2008), remembered Yadov in England in the 1960s. His British colleagues were impressed by a certain internal freedom which differentiated Yadov from others who traveled from the USSR. It is not clear where this sense of freedom came from, long before the external conditions permitted it, but it was always manifest in Yadov’s rich creative life.

This summer, I again read the interview of his which appeared in the book “A Generation of Teachers.” He said that during those Leningrad years, when it all started, he was a faithful Marxist, but in contrast with the majority, he wanted to examine to what extent the theory of the transition to communism existed in actual fact. This distinguished him from most others and helped explain some of his motivation.

Yadov was a highly motivated person, who also knew how to listen to others. Take another in a long series of countless conferences, where half the participants were already asleep, Yadov would be listening. And not only politely — he was interested, and this was clear from the questions he asked.

It was not important to him whether a professor or a student were speaking. Long after Yadov was acknowledged a “maestro,” one of the father-founders of Russian sociology, his democratic nature and simplicity in relating to others, professionally and personally, was impossible not to notice. This also arose from his sense of internal freedom.

Yadov did more than listen; he had an internal passion. Often he could not stay silent, he would periodically interrupt the speaker, excuse himself, and interrupt again. But it was always good-naturedly, respectfully to the speaker, and never got personal.

He had a clear understanding of professional duty. For example, in these last years he always came to the meetings of dissertation committees on sociology at NRU HSE, although they were not “his” committees and although it became physically difficult. But nonetheless he came and participated.

Of course it is significant what Yadov accomplished as a scientist. He had his own distinct contributions, which many already know. But the person, the image of a professional and a person, in this instance were more important. For me, as for many, Yadov was exemplary, but inimitable. It is a shame that a younger generation will not know him.

Upon meeting someone, Vladimir Alexandrovich would often say, somewhat unusually, “Honor!” It seems it was short for “I have the honor!”

The word “honor” is now unalterably associated with him. And thus we will remember him.

V. V. Radaev